

НИКИТА КЛИМОВ

*Расследования
Зинаиды Павловны*

РАССАДА РАЗДОРА

Никита Климов

Рассада раздора

«Автор»

2026

Климов Н. А.

Рассада раздора / Н. А. Климов — «Автор», 2026

На осенней выставке-ярмарке саженцев и рассады «Золотая грядка» в оранжерее Луговска кипят нешуточные страсти: два старейших селекционера области спорят за пятнадцатимиллионный грант и грозят друг другу всеми карами. В разгар открытия создателя уникальной морозостойкой земляники находят в теплице в тяжёлом бреду с признаками отравления белладонной. Бывший участковый терапевт Зинаида Павловна Воронцова успевает спасти старика, но наутро в лабораторном павильоне обнаруживают мёртвым председателя патентной комиссии, а рядом с его чашкой рассыпаны ягоды красавки и паслёна. Все уверены в мести соперника-селекционера, но сорок лет врачебной практики не обманешь: Зинаида Павловна видит симптомы совсем другого яда — чемеричной воды, замечает перепутанные цветные бирки, выдающие скрытый дальтонизм убийцы, и ищет на руках подозреваемых ожог от «неопалимой купины». В финале — рецепт пирога «Золотая грядка»!

© Климов Н. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Страсти в оранжерее «Зелёный сад» и	5
тридцатикилограммовая тыква Дятлова	
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Никита Климов

Рассада раздора

Глава 1. Страсти в оранжерее «Зелёный сад» и тридцатикилограммовая тыква Дятлова

Ровно в шесть ноль-ноль утра Зинаида Павловна Воронцова открыла глаза.

Сломанный одиннадцать лет назад будильник «Слава» на комод по-прежнему хранил верность отметке без четверти семь, но бывшему участковому терапевту поликлиники № 2 города Луговска будильники не требовались. Сорок лет практики выработали в ней рефлекс просыпаться до первого трамвая: в шесть пятнадцать — зарядка для поясницы с грыжей, в шесть тридцать — таблетка от давления и стакан тёплой воды без сахара.

Была середина сентября — пора, когда дачники СНТ «Рябинка» готовили участки к зиме и съезжались в городской оранжерейный комплекс «Зелёный сад» на главную осеннюю выставку-ярмарку саженцев, озимой рассады и луковичных цветов «Золотая грядка».

Внук Тёма приехал к бабушке из Москвы на субботу и воскресенье на утренней электричке (с неизменным рюкзаком гаджетов и шахматной доской), а следом позвонила дочь Ирина:

— Мама, я отпустила Тёму к тебе на выходные только потому, что вы идёте покупать саженцы малины! После вашей библиотеки с кроссвордами и пирожков у церкви я требую тишины! Мама, не лезь ни в какие скандалы на выставке!

— Слышу, Ирочка, — спокойно ответила Зинаида Павловна, проверяя в дорожной сумке механический тонометр, мамины часы «Чайка» и клеёчатую тетрадь.

У ворот оранжерейного комплекса их уже ждала Людмила Ивановна Пряхина на своём ярко-розовом скутере «Ласточка», в новом розовом платке с вышитыми георгинами.

— Зина! Тёма! Пуговица! — громогласно приветствовала их Люся. — Я с утра Маркизу минтай разморозила, девять килограммов кота накормила и привезла на выставку нашего Дятлова с его гигантской тыквой! А в главной оранжерее такое творится — два главных селекционера области, Корешков и Вершкин, чуть горшками с рассадой друг в друга не кидаются!

* * *

Под высоким стеклянным куполом оранжереи «Зелёный сад» собрался весь садоводческий цвет Луговска. Эльвира Марковна Штерн в изумрудном тюрбане представляла черенки своих чайных роз, супруги Тихоновы с внучкой Сонечкой выбирали яблони, а восьмидесяти-четырёхлетняя Тамара Ивановна в шляпке с вуалеткой пробовала у буфетного столика горячий земляничный взвар и кусочек овощного пирога-киша, умилённо приговаривая:

— Ох, ну чисто как у мамы!

У центрального павильона кипела тридцатилетняя война двух светил агрономии. Семидесятилетний Борис Борисович Корешков, бородатый крепыш в брезентовом фартуке, создатель уникального морозостойкого сорта ремонтантной земляники «Луговская рубиновая», потрясал секатором перед носом сухопарого франта в вельветовом пиджаке — шестидесятивосьмилетнего Арнольда Генриховича Вершкина, селекционера редких лилий и чёрных тюльпанов.

Оба претендовали на главный министерский грант в пятнадцать миллионов рублей, решение по которому завтра утром должен был огласить приехавший из столицы председатель

патентной комиссии Виктор Степанович Груздев, а правую руку Груздева — суетливого учёного секретаря ярмарки Леонида Марковича Стручкова — такса Пуговица при встрече у входа вдруг обнюхала и встретила глухим, подозрительным рычанием.

* * *

Сентябрьское утро в Луговске пахло прелым кленовым листом, дымком с дачных огородов и влажным чернозёмом, который везли на грузовиках к выставочному комплексу «Зелёный сад».

У кованых ворот центральной оранжереи царило небывалое оживление. Дачники со всей области катили садовые тележки с саженцами яблонь, кустами ремонтантной малины, мешками сортового картофеля и корзинами осенних цветов.

В самом центре площади перед стеклянным куполом возвышался ярко-розовый скутер «Ласточка» с прицепленной к нему двухосной садовой тележкой, на которой, словно царская карета, покоилась гигантская оранжевая тыква соседа Василия Игнатьевича Дятлова весом ровно тридцать килограммов четыреста граммов.

— Ты посмотри на эту красавицу, Зина! — гордо вещала Людмила Ивановна Пряхина, поправляя свой розовый платок с вышитыми георгинами и похлопывая тыкву ладонью. — Мы её с Василием Игнатьевичем вчера вчетвером в тележку грузили! Ежели комиссия не присудит нашей «Рябинке» первое место по бахчевым культурам, я им такую ревизию весового хозяйства устрою, что гири сами в пляс пойдут!

Василий Дятлов, стоявший рядом в своей неизменной соломенной шляпе и праздничном пиджаке поверх клетчатой рубашки, ревниво протирал бок тыквы суконной тряпочкой:

— Ты потише хлопай, Пряхина, у неё корка нежная, сахарная! Воронцова, а ты чего так на меня поверх очков смотришь? Я сегодня таблетку от давления выпил, честное пионерское! Даже язык могу показать!

— Язык у тебя, Василий Игнатьевич, нормальный, а вот поясницу ты вчера при погрузке этой кареты для Золушки явно перетянул — видишь, на правую ногу прихрамываешь? — сухо заметила Зинаида Павловна, поглаживая рыжую таксу Пуговицу, которая деловито обнюхивала колёса садовых тележек. — Вечером намажешь диклофенаком и наденешь шерстяной пояс. А пока пойдёмте под купол — посмотрим, из-за чего там селекционеры шумят.

* * *

В тени раскидистых оранжерейных пальм у круглого бассейна с золотыми рыбками, где расположился временный штаб расследования, Зинаида Павловна Воронцова раскрыла свою неизменную клеёнчатую тетрадь рядом с футляром механического тонометра и кульком лимонных леденцов.

Мамины позолоченные часики «Чайка» на её запястье тихо тикали, отмеряя часы этого бурного сентябрьского уик-энда, в котором мирная выставка саженцев обернулась опасной схваткой вокруг приезд дачников «Рябинки» и Люси на розовом скутере «Ласточка».

— Давайте спокойно сопоставим все симптомы, друзья мои, — негромко сказала Зинаида Павловна, поправляя очки и обводя взглядом капитана Сергея Ветрова, Людмилу Ивановну Пряхину и двенадцатилетнего Тёму. — Сорок лет практики на третьем участке поликлиники номер два приучили меня к железному правилу: не ставь диагноз по одному симптому. Когда преступник пытается убедить нас в очевидном (тридцатикилограммовая тыква Василия Дятлова и розы Эльвиры Марковны), настоящий клиницист обязан проверить, нет ли за этим фасадом совершенно другой болезни.

Людмила Ивановна, оправив на плечах шёлковый розовый платок с вышитыми георгинами и выглянув в стеклянную галерею, где у павильона тыкв стоял наготове её ярко-розовый скутер «Ласточка», веско заметила:

— В бухгалтерском деле, Зина, это называется «пересортица с умыслом»! Я тридцать лет на молокозаводе балансы сводила, а теперь в СНТ «Рябинка» за каждым кубом воды и каждой машиной щебня слежу! Посмотри, как тут одно цепляется за другое: сперва тридцатикилограммовая тыква Василия Дятлова и розы Эльвиры Марковны, а копнёшь первичную документацию — и вылезает ожесточённый спор селекционеров Корешкова и Вершкина за пятнадцатимиллионный грант! Да тут за версту пахнет крупным хищением!

— И все цифровые данные полностью это подтверждают, — включился Тёма, поворачивая к бабушке и капитану Ветрову экран своего ноутбука со снимками квадрокоптера и макрофотографиями рассады. — Бабушка, дядя Серёжа, если сопоставить время ожесточённый спор селекционеров Корешкова и Вершкина за пятнадцатимиллионный грант и детали подозрительное рычание таксы Пуговицы на учёного секретаря Стручкова, то у подозреваемого не остаётся ни одной минуты алиби!

Капитан Сергей Ветров записал координаты в свой блокнот и с теплотой посмотрел на Зинаиду Павловну:

— Зинаида Павловна, ваша клеёноччатая тетрадь для нашего следственного отдела — настоящая палочка-выручалочка. Только, пожалуйста, помните моё главное условие: среди этих теплиц и ядовитых кустов ничего не ешьте из чужих рук и к подозрительным отварам не прикасайтесь!

* * *

Тем временем под высоким стеклянным куполом «Зелёного сада» ярмарочная жизнь была ключом, и каждый новый поворот вокруг приезд дачников «Рябинки» и Люси на розовом скутере «Ласточка» и тридцатикилограммовая тыква Василия Дятлова и розы Эльвиры Марковны вызывал живейший отклик у садоводов СНТ «Рябинка».

У стенда с плетистыми розами и георгинами стояла Эльвира Марковна Штерн в своём величественном изумрудном тюрбане, беседуя с супругами Тихоновыми, маленькой Сонечкой и восьмидесятичетырёхлетней Тамарой Ивановной в кружевной шляпке с вуалеткой.

— Ах, Зинаида Павловна, дорогая! — пропела Эльвира Марковна, когда Воронцова с таксой Пуговицей проходила мимо их ряда. — Какое счастье, что вы вчера оказались в оранжерее в ту самую минуту и спасли жизнь бедному Борису Борисовичу Корешкову! Мы сейчас с Тамарой Ивановной и Василием Игнатьевичем Дятловым обсуждали ожесточённый спор селекционеров Корешкова и Вершкина за пятнадцатимиллионный грант — ведь это настоящий ботанический детектив!

— Ты, Павловна, у нас известная на весь район ведунья по медицинской части! — уважительно прогудел подошедший Дятлов, придерживая рукой соломенную шляпу. — Я вон селекционерам сразу сказал: «Зря вы перед нашей Воронцовой хитрите — она на вас через очки глянет, велит язык показать, и сразу видно, кто чужую клубнику трогал и у кого где волдырь вскочил!»

— Ты бы, Василий Игнатьевич, меньше языком у стендов молот, а больше следил, чтобы сквозняком из ворот поясицу не продуло после твоей тыквы, — сухо, но добродушно отозвалась Зинаида Павловна. — И воды тёплой попей, а то голос от споров охрип.

* * *

Идя по залитой осенним солнцем галерее между секторами ягодных культур и редких луковичных, Зинаида Павловна думала о том, как причудливо сошлись в этом деле природа и медицина.

Человек, задумавший украсть многолетний труд старого селекционера Корешкова (тридцатикилограммовая тыква Василия Дятлова и розы Эльвиры Марковны) и убрать со своего пути честного проверяющего (ожесточённый спор селекционеров Корешкова и Вершкина за пятнадцатимиллионный грант), полагал, что растения — это безмолвный товар, который можно безнаказанно переложить из одного ящика в другой.

Но природа оказалась верным союзником врача и сыщика: серебристое опушение черешков «Луговской рубиновой» выдало подмену на макроснимках Тёмы, куст ясенца белого («неопалимой купины») оставил на левом предплечье ночного вора несмываемую багровую печать фитофотодерматита, а цветные бирки на кассетах и ягоды паслёна разоблачили его скрытую врождённую цветослепоту (подозрительное рычание таксы Пуговицы на учёного секретаря Стручкова).

— Смотри, ба, как Пуговица наострила уши в сторону хозяйственного двора! — тихо сказал Тёма, идя рядом и придерживая сумку с планшетом. — Она этот запах чемеричной воды и старого торфа за сто метров чувствует!

Рыжая такса Пуговица деловито натянула поводок, оглянулась на хозяйку блестящими карими глазами и коротко фыркнула, словно приглашая скорее закончить бумажные формальности и перейти к главным раскопкам.

— Я собираю анализы, Артём, — спокойно улыбнулась внуку Зинаида Павловна. — И когда все результаты сойдутся на этой странице клеёноччатой тетради, правда прорастёт сквозь любую ложь, как трава сквозь асфальт.

* * *

В половине первого зазвонил телефон Зинаиды Павловны — из Москвы снова выходила на связь дочь Ирина.

— Мама! — раздался в динамике строгий банковский голос Ирины. — Я только что звонила Тёме узнать, купили ли вы саженцы малины, а он мне радостно сообщает, что вы с капитаном Ветровым проверяете кого-то по таблицам Рабкина на дальтонизм и ищите чемеричную воду! Мама, вы же поехали на ярмарку за рассадой! Я тебя просила: мама, не лезь!

— Слышу, Ирочка, слышу, — невозмутимо ответила Зинаида Павловна, поглядывая на часы «Чайка». — Во-первых, саженцы малины и четыре кустика лучшей ремонтантной земляники Борис Борисович Корешков нам уже лично отобрал. А во-вторых, мы с Людмилой Ивановной и Тёмой просто помогаем оргкомитету выставки разобраться с пересортицей бирок (ожесточённый спор селекционеров Корешкова и Вершкина за пятнадцатимиллионный грант) и проверяем технику безопасности при работе с эфиромасличными растениями (подозрительное рычание таксы Пуговицы на учёного секретаря Стручкова). Ты лучше скажи: ты сама сегодня завтракала кашей или опять на бегу бутерброд проглотила?

Убрав телефон в карман тёмно-синего кардигана, Зинаида Павловна переглянулась с посмеивающейся Люсей, капитаном Ветровым и Тёмой. Их маленькая, проверенная в четырёх переделках команда понимала друг друга с полуслова — настоящая круговая порука добра и справедливости, настоящая семья.

* * *

Под стеклянными сводами оранжереи «Зелёный сад», где воздух был напоён густым ароматом влажного торфа, цветущих чайных роз, хвои туи и спелой ремонтантной земляники,

Зинаида Павловна Воронцова устроилась на плетёной садовой скамье у зимнего фонтана и раскрыла свою клеёчатую тетрадь на странице с заголовком «Открытие выставки «Золотая грядка» в оранжерее «Зелёный сад» и гигантская тыква Дятлова».

Рядом с ней, положив на колени папку с ярмарочными накладными и то и дело поправляя ярко-розовый шёлковый платок с вышитыми георгинами, сидела Людмила Ивановна Прякина, а у их ног рыжая такса Пуговица настороженно принималась к проходящим мимо садоводам с лейками и секаторами.

— Ты посмотри на эту картину, Зина! — возмущённо говорила Люся, постукивая карандашом по графе сортовых ведомостей. — Мы приехали на выставку выбрать тебе четыре кустика ремонтантной малины и проследить, чтобы Дятлов со своей тридцатикилограммовой тыквой первый приз получил, а вместо этого разбираем приезд дачников «Рябинки» и Люси на розовом скутере «Ласточка» и тридцатикилограммовая тыква Василия Дятлова и розы Эльвиры Марковны! И ведь какая хитрая механика закручена: все вокруг кричат про тридцатилетнюю войну Корешкова с Вершкиным, а под шумок этой войны кто-то третий обделывает дельце на миллионы рублей!

— В медицине это называется маскированный синдром, Люся, — спокойно ответила Зинаида Павловна, сверяясь со стрелками маминых позолоченных часов «Чайка» и проверяя на месте ли её механический тонометр. — Сорок лет практики в поликлинике номер два научили меня не верить тому, что лежит на самом виду. Когда пациенту подбрасывают на стол горсть разноцветных ягод или переклеивают бирки на ящиках (ожесточённый спор селекционеров Корешкова и Вершкина за пятнадцатимиллионный грант), нужно смотреть не на этикетку, а на клинические симптомы: на частоту пульса, на ширину зрачка, на влажность кожи и на то, почему человек в двадцать четыре градуса тепла прячет левое предплечье под глухим манжетом.

— Золотые слова, Зинаида Павловна! — поддержал её подошедший от оцепления капитан Сергей Ветров, первым делом протягивая ей свежий жёлтый лимонный леденец из аптечного кулька. — Я сейчас разговаривал с экспертами по поводу подозрительное рычание таксы Пуговицы на учёного секретаря Стручкова: они говорят, что без вашей подсказки про чемеричную воду и фитофотодерматит от ясенца мы бы ещё неделю ждали результатов расширенной токсикологии! Только умоляю вас: на выставке ничего не ешьте из чужих рук, даже если будут предлагать самую крупную клубнику с куста!

— Серёжа, я ягоду немытую с куста и в детстве не ела, а уж после вашего садового опрыскивателя и подавно не стану, — с лёгкой улыбкой ответила Воронцова. — Ты лучше сам покажи горло: вчера вечером у фонтана стоял на ветру без куртки, небось опять першит?

* * *

Двенадцатилетний Тёма тем временем разложил на садовом столике свой ноутбук и планшет, куда уже были загружены снимки с учебного квадрокоптера юннатов, макрофотографии листьев земляники и схемы расположения теплиц оранжерейного комплекса.

— Бабушка, тётя Люся, посмотрите на сопоставление кадров по времени в метаданных! — позвал внук, поправляя очки точь-в-точь дедушкиным жестом. — Если проследить маршрут служебного электрокара дирекции и время, когда произошло тридцатикилограммовая тыква Василия Дятлова и розы Эльвиры Марковны, а затем наложить на это ожесточённый спор селекционеров Корешкова и Вершкина за пятнадцатимиллионный грант, то получается замкнутый круг! Человек, который переставлял кассеты с рассадой в третьей теплице и человек, который заходил вечером в лабораторный павильон к ревизору Груздеву, — это одно и то же лицо!

— И заметь, Артём, — Зинаида Павловна поставила выразительную галочку в клеёнчатой тетради, — и в первом, и во втором случае этот человек допустил одну и ту же физиологическую оплошность, связанную со зрением! Когда здоровый человек смотрит на красную и зелёную бирку или на красную и зелёную ягоду паслёна, он видит два контрастных цвета. А человек с врождённой дейтеранопией ориентируется только по степени темноты окраски и в сумерках теплицы неминуемо путает их местами!

— Как говорил дедушка Коля: «Любой прибор рано или поздно выдаёт свою погрешность, если знать, на какой шкале смотреть», — серьёзно кивнул Тёма, сохраняя сравнительную таблицу для следственного протокола капитана Ветрова.

* * *

На соседней аллее под раскидистыми финиковыми пальмами и олеандрами дачники СНТ «Рябинка» развернули собственный наблюдательный пункт.

Василий Игнатьевич Дятлов в соломенной шляпе гордо восседал на складном стульчике рядом со своей тридцатикилограммовой тыквой, Эльвира Марковна Штерн в изумрудном тюрбане опрыскивала водой из флакончика бутоны своих чайных роз, а восьмидесятичетырёхлетняя Тамара Ивановна в кружевной шляпке с вуалеткой сидела под руку с галантным отставным аптекарем Вениамином Савельевичем и супругами Тихоновыми.

— Вы только посмотрите, как работает наша Зинаида Павловна! — с гордостью говорила Эльвира Марковна, поглядывая в сторону штабной скамейки. — Ещё вчера все думали, что приезд дачников «Рябинки» и Люси на розовом скутере «Ласточка» — это просто ссора двух старых учёных, а сегодня благодаря её врачебному глазу раскрыта целая афера (ожесточённый спор селекционеров Корешкова и Вершкина за пятнадцатимиллионный грант и подозрительное рычание таксы Пуговицы на учёного секретаря Стручкова)! Кстати, Люся, я утром перед выездом в оранжерею позвонила моей соседке по участку: твой Маркиз позавтракал размороженным минтаем с царским аппетитом и сейчас спит на веранде, охраняя наши георгины!

— Ох, спасибо тебе, Эльвирочка, отлегло от председательского сердца! — просияла Людмила Ивановна. — Ведь девять килограммов кота без присмотра оставить — это тебе не шутки!

А Тамара Ивановна, попробовав кусочек тёплого овощного пирога с брынзой и молодой капустой, который принесли из выставочного буфета для проголодавшихся помощников следствия, блаженно прищурилась из-под вуалетки и произнесла на всю оранжерею:

— Ох, голубушки мои... Какое тесто нежное да сочное — ну чисто как у мамы!

Такса Пуговица одобрительно тявкнула, подтверждая, что и кулинарная, и сыскная часть осенней выставки в Луговске находятся в самых надёжных руках.

* * *

Вечерние тени от переплётов стеклянного купола медленно ползли по каменным плитам дорожек, а вокруг стендов с озимым чесноком, крыжовником и луковичными гибридами не утихали разговоры о том, как тонко переплелись в главе № 1 ботаника и криминалистика.

Старый селекционер Борис Борисович Корешков, укутанный заботливой рукой племянницы Верочки в тёплую клетчатую шаль поверх брезентового фартука, сидел в плетёном кресле и с неподдельным уважением смотрел, как Зинаида Павловна измеряет давление раскрасневшемуся от волнения цветоводу Арнольду Генриховичу Вершкину.

— Сто сорок пять на восемьдесят пять, Арнольд Генрихович, — строго выговаривала старому франту Воронцова, сдувая воздух из манжеты своего верного тонометра. — Ещё раз начнёте кричать на выставке про диплоидные и тетраплоидные хромосомы на повышенных

тонах — посажу обоих на бессолевую диету и пропишу пустырник три раза в день до самых заморозков! Покажите-ка язык оба!

И два непримиримых корифея областной агрономии, тридцать лет грозившие друг другу разгромными статьями в журнале «Садоводство и селекция», синхронно, как два провинившихся школьника на приёме в детской консультации, высунули языки перед участковым терапевтом на пенсии.

— То-то же, — удовлетворённо кивнула Зинаида Павловна, убирая тонометр в сумку. — Война у вас теперь одна — против жуликов, которые решили нажиться на вашей рассаде (ожесточённый спор селекционеров Корешкова и Вершкина за пятнадцатимиллионный грант и подозрительное рычание таксы Пуговицы на учёного секретаря Стручкова). А за молодыми вашими, Верочкой и Игорем, мы с Людмилой Ивановной присмотрим: такой союз двух селекционных школ даст самый крепкий привой!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.